

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В КОРЕЕ

Изучение языка в Корее имеет свою историю и притом достаточно длительную: начало ее восходит еще к VI в. н. э. С этого времени языкознание в Корее прошло через два больших этапа своего развития: первый из них тянется с VI в. до середины XV в., второй — с середины XV в. до конца XIX в. С конца XIX в. наступил третий этап, продолжающийся и в наши дни.

Такая периодизация определяется содержанием языкознания; само же содержание в свою очередь обуславливалось спецификой тех фактов, которые пробуждали лингвистическую мысль и направляли ее развитие. На первом этапе это была письменность: в VI в. необходимость в письменности стала ощущаться с полной силой, что и привело к появлению так называемого письма «иду» — первой исторической формы письменности в Корее, но только в середине XV в. образовалась та система письма (так называемый «онмун»¹), которая существует и в наше время и которая по праву считается национальной системой корейской письменности. Именно в связи с этим длительным процессом выработки письменности зародилась и получила свое первоначальное развитие в Корее лингвистическая наука; вопросы письменности на этом этапе целиком определяли и границы этой науки, и ее конкретное содержание.

Наступление второго этапа обусловлено выходом лингвистических исследований за пределы вопросов, непосредственно соединенных с письмом. На этом этапе предметом внимания становится язык уже в более широком объеме. Окончанием второго этапа мы считаем конец XIX в. До этого времени лингвистическая мысль в Корее развивалась в общей орбите языкознания, как оно сложилось тогда в странах Восточной Азии, главным образом в Китае, где языкознание было развито больше, чем в остальной части Азии; с конца же XIX в. языкознание в Корее как в отношении проблематики, так и в отношении принципов и методов исследования вовлекается в общее русло мировой науки о языке. Рассмотрим историю развития языкознания в Корее.

1

Выработка первой системы письма в Корее целиком связана с историей распространения и ролью китайского языка в Корее. Как полагают корейские исследователи, проникновение китайского языка на полуостров становится заметным уже во II—I вв. до н. э. Китайский язык принесли с собой китайцы, появившиеся в прилегающих к Корейскому полуострову местностях в связи с распространением власти Ханьской империи на эти части Северо-Восточной Азии. Проникновение в Корею конфуцианства, а со второй половины IV в. буддизма, занесенного туда миссионерами-китайцами, пользовавшимися буддийской канонической литературой в китайском переводе, со своей стороны способствовало распространению среди корейцев знания китайского языка. Установившиеся еще во времена Ханьской империи политические и культурные связи древних корейских царств — Когурё, Пякче и Силла — с Китаем особенно усилились с конца VI в., когда после почти трех столетий властвования на севере Китая различных чужеземных завоевателей произошло новое объединение всей страны в одном государстве: империи дома Суй — в конце VI — начале VII в., дома Тан — в дальнейшем. Усиление Китая привело тогда к вмешательству его в разгоревшуюся в VII в. междоусобную борьбу на полуострове.

После объединения в конце VII в. одним из трех корейских царств — Силла — под своєю властью всего полуострова установились прочные политические и культурные отношения с Танской империей, бывшей союзницей Силла в борьбе с Когурё и Пякче. Хлынувшая в этот период в Корею широким потоком китайская культура прочно прививалась в Корее, особенно среди корейских феодалов. Верхушечные слои правящего класса обычно даже получали в Китае свое образование.

В этих условиях и аппарат по управлению страной стал строиться по образцу государственного аппарата Танской империи. Образовался обширный слой чи-

¹ В настоящее время принято название «кунмун»

новничества, обслуживавший этот аппарат. Понадобился и язык для такого аппарата, язык управления, язык правительственной канцелярии. Им и стал китайский язык, в котором уже давно сложились формы, приспособленные к тексту закона, указа, к тексту делового документа, ведомственной переписки. Китайский язык стал и языком историографии.

Именно в этом языке правительственного аппарата и зародились первые элементы корейского письма. Они зародились в способе писания корейских собственных имен и географических названий: их пришлось по необходимости писать теми же китайскими иероглифами, но уже освобожденными от смысла того слова, которое в китайском языке этим иероглифом обозначалось, и сохранявшими только свое чтение; иначе говоря, пришлось писать иероглифами как знаками фонетического письма. Иероглиф с чтением *ли*, например, мог в китайской письменности обозначать слово со значением «сазан», но в таком письме этот иероглиф был просто слоговой буквой *ли*.

С течением времени в обиходе правительственных учреждений выработался особый канцелярский слог корейского языка — так называемый «ичхаль». По своей лексике он был в подавляющей части китайским, так как терминология управления была почти исключительно китайской; по своему же грамматическому строю это был язык корейский, т. е. китайские существительные склонялись по нормам корейского склонения имен, глагольные же китайские слова оформлялись при помощи корейского служебного глагола *гада* «делать» как корейские глаголы. Этот слог стал применяться в правительственных документах и в деловой переписке.

В сфере именно этого канцелярского слога был сделан второй шаг на пути создания корейского письма. Корейский язык, как известно, по своему грамматическому строю коренным образом отличается от китайского: он имеет весьма развитую систему грамматических форм, в подавляющей части выраженных при помощи агглютинирующих элементов, в то время как в китайском языке грамматические формы слова образуются главным образом аналитическим способом или способом изменения интонации. Поэтому в канцелярском слоге иероглифами — с сохранением смысла обозначаемых ими слов — можно было написать корневую знаменательную часть слова, грамматическое же обозначение приходилось писать теми же иероглифами, но уже как знаками фонетического письма. Таким путем и создавалась исторически первая форма корейского письма — фонетического, но такого, где знаками были те же иероглифы. Это письмо выработывалось в обиходе правительственной канцелярии, в связи с чем оно и получило наименование «иду» — «чиновничье чтение» (иероглифов).

Старые корейские письменные памятники обычно связывают появление «иду» с именем Соль Чхона — ученого VII в., но роль Соль Чхона сводилась, вероятно, только к упорядочению фонетического письма, т. е. к установлению иероглифов, наиболее подходящих для фонетического транскрибирования звуков корейского языка, иначе говоря, к устранению существовавшего до этого времени в практике разномыслия. Сам же способ такого транскрибирования возник несомненно раньше. Об этом свидетельствует сохранившаяся надпись на каменной стеле времен короля Чинхуна, т. е. относящаяся к VI в. Именно поэтому и правильнее считать, что начало процесса сложения этого первоначального корейского письма следует отнести по крайней мере к VI в.²

История создания этой первой системы письма в Корее знакомит нас вместе с тем и с первыми шагами лингвистической мысли в Корее. Они могут быть прослежены в следующих направлениях.

Для того чтобы применить идеографический знак китайской письменности как знак фонетической транскрипции, необходимо было отрешиться от «значения» иероглифа, т. е. значения того слова, обозначать которое этот иероглиф был призван; необходимо было, следовательно, осознать различие между словом как выразителем какого-то значения и словом как определенным звуковым комплексом.

Далее, выбор того или иного иероглифа для транскрипции какого-либо слога в корейском слове мог быть сделан лишь при ясном осознании сходств и различий между звуковым составом слова в китайском и корейском языках. Иначе говоря, применение иероглифов как знаков фонетического письма было основано на изучении звуков корейского и китайского языков. «Открытие фонетики», таким образом, было первым достижением корейских языковедов.

Вместе с тем понимание фонетических явлений в эту пору не простиралось далее различения слогов в слове. Это объясняется тем, что как транскрипционный знак применялся китайский иероглиф, фонетически всегда обозначающий именно слог. Китай-

² Некоторые китайские памятники позволяют возводить начало «иду» к еще более раннему времени. Так, в «Истории Вэйского государства» («Вэй чжи») — историографическом памятнике, появившемся в конце III в., в разделе, содержащем описание Кореи, способом «иду» записаны корейские географические названия и собственные имена, причем отбор иероглифов для такого транскрибирования настолько устойчив, что можно предполагать, что транскрипция этого памятника отражает уже сложившуюся традицию в самой Корее.

ская письменность не могла тогда научить распознавать отдельные звуки в составе слога, и осознание фонетической стороны слова поэтому и ограничилось расчленением звукового состава слова только на слоги. Вследствие этого и первое в истории Кореи письмо — китайские иероглифы, используемые как фонетические знаки, — было слоговым.

Этой сферой осознание явлений языка и ограничивалось тогда, когда писали по-китайски и дело шло только о транскрибировании китайскими знаками корейских собственных имен и географических названий. На переход в новую сферу указывает второй этап в истории приспособления китайского письма к корейскому языку, когда иероглифами стали обозначать звучание служебных элементов корейского языка, т. е. когда стали писать по-корейски.

Факт обращения к фонетическому письму для передачи служебных элементов корейского языка означал очень многое. Когда это касалось служебных слов, т. е. лексических единиц, имевших самостоятельное существование (последлоги, союзы), фонетическое написание их свидетельствовало об осознании корейцами наличия в их языке слов, служащих лишь для выражения связи между словами и, следовательно, отличных от слов вполне самостоятельных. Это было уже началом осознания грамматического строя предложения. Когда же дело шло о служебных элементах в составе слова (морфемах), это означало уже некоторое умение распознавать в слове часть вещественную и часть формальную, т. е. начало осознания грамматической природы слова. Таким образом, второй шаг лингвистической мысли в Корее — шаг, вызванный необходимостью записывать целый текст на своем языке, состоял в «открытии грамматики» — в элементарной осознании грамматического строя своего языка. И, конечно, это было сделано на основе сопоставления грамматической природы слова и строя предложения в двух языках — корейском и китайском.

2

Следующим достижением корейского языкознания было создание в декабре 1443 года второй системы корейского письма — алфавита «онмун», опубликованного с надлежащими пояснениями в 1446 году как «Наставление для народа в правильных звуках» («Хунмин-чжонгым»). Традиция приписывает изобретение «онмуна» правившему тогда королю Сечжону, но на деле вся работа была проделана комитетом ученых, собранных по приказу Сечжона при дворе специально для выработки указанного «Наставления». Имена их перечислены в предисловии к нему³. Король же, несомненно, интересовавшийся этим делом, был только их покровителем.

«Онмун», так же как и «иду», — письмо фонетическое, но знаки его призваны обозначать не слоги, как в «иду», а отдельные звуки. В связи с этим и форма знаков этого алфавита иная, чем в «иду»: там этими знаками служили те же китайские иероглифы, тут же иероглифы, как обозначавшие слоги, оказались непригодны, поэтому были изобретены особые знаки.

Первое, о чем говорит алфавит «онмун», — это об осознании языковедами наличия в слове отдельных звуков. Это было связано с необходимостью обозначать в письме такие слоги, для которых нельзя было подобрать иероглифы, точно соответствующие этим слогам по своему чтению. Подобное затруднение составляло основной недостаток «иду», в котором некоторые иероглифы приходилось принимать в условном чтении. Это и послужило одной из причин, почему не письмо «иду» легло в основу корейского национального письма. В новом же алфавите указанный недостаток устранялся возможностью дать особый знак для каждого отдельного звука.

Однако «Хунмин-чжонгым» дает не только знаки для каждого звука, но и полный список этих знаков, т. е. алфавит. Число знаков в этом алфавите — 28⁴. Это значит, что для создателей «онмуна» в корейском языке того времени было 28 отдельных звуков. Таким образом, появление «онмуна» свидетельствует не только об умении различать отдельные звуки в составе слога, но и о работе по установлению количества отдельных звуков в языке, т. е. фонетического состава языка.

Появление «онмуна» свидетельствует, однако, о гораздо большем. Если мы рассмотрим к графике знаков, мы увидим, что они, эти знаки, по своему графическому облику распадаются на две большие группы: графическую основу одной группы составляет прямая линия, другой — прямой угол. На основе прямой линии построены знаки | (i), — (u), ㅏ (a), ㅑ (o), ㅓ (u); нетрудно увидеть, что это — гласные. На основе прямого угла построена графика знаков ㅕ (k, g), ㅖ (n), ㅗ (t, d), ㅛ (l, r), ㅜ (m), ㅝ (p, b), ㅞ (s), ㅟ (z); нетрудно заметить, что это — согласные. Таким образом, сама графика знаков отражает наличие вполне точных представлений о двух группах звуков — гласных и согласных. Исключение из этих графических

³ Чон Рин Чжи, Цой Хан, Сен Сам Мун, Пак Пхён Нён, Син Сук Чу, Кан Хи Ан. Ли Гэ, Ли Сон Ро.

⁴ В дальнейшем это число было сокращено до 26. Последующее описание «онмуна» имеет в виду именно это число знаков.

правил составляют только три знака: \cdot (\ddot{a}), \circ (υ), $\frac{1}{2}$ (h), но ими обозначались звуки, с точки зрения создателей «онмуна», выпадающие из общей системы гласных и согласных⁵. Этот факт также служит показателем большого внимания к качественной природе звуков языка.

Красочнейшая графика таких пар знаков: \vdash (a) и \vdash (ja), \uparrow (υ) и \uparrow ($j\upsilon$), \perp (o) и \perp (jo), \top (u) и \top (ju). Эта графика свидетельствует, во-первых, о понимании того, что в языке имеются гласные простые и йотированные, во-вторых, об определенном представлении отношения между ними: йотированными гласными считаются простые, к которым добавлен впереди один и тот же элемент; в графике он во всех случаях обозначается черточкой, которая, таким образом, является в полном смысле слова диакритическим знаком.

Пары таких знаков, как \neg (k) и \neg (kh), \sqsubset (t) и \sqsubset (th), и ρ и ρ (ph), λ (\dot{e}) и λ ($\dot{e}h$), где вторые знаки отличаются от первых только одной добавочной черточкой, свидетельствуют о понимании наличия в языке согласных простых и придыхательных при определенном представлении об их отношении. Дополнительная черточка и в этом случае играет роль диакритического знака.

Изучение соотношения графики знаков «онмуна» с обозначаемыми этими знаками звуками языка — предмет особой работы; здесь же, приводя вышеуказанные примеры, мы хотим отметить тот факт, что графическая композиция знаков «онмуна» не безразлична к природе обозначаемых ими звуков, что сама эта композиция является наглядным показателем, насколько далеко продвинулось понимание фонетики языка в эпоху создания «онмуна».

О таком понимании свидетельствует и самый порядок, в котором расположены знаки в алфавите. Этот порядок не случаен: в нем знаки расположены по группам, определяемым известной общностью звуков, данными знаками обозначаемых. Если взять согласные, то на первом месте идут k , kh , ρ , по традиционному китайскому фонетическому учению, составляющие группу «крупно-зубные»; далее идет «язычные» — t , th , n , «губные» — p , ph , m , «мелко-зубные» — \dot{c} , $\dot{c}h$, s , «горланные» — h , «полугласные» — r / l . Гласные также располагаются группами: сначала — u , i , o , a , υ , ϵ , т. е. простые, затем — jo , ja , ju , $j\upsilon$, т. е. йотированные. Таким образом, порядок букв «онмуна» отражает существовавшее тогда представление о фонетической классификации звуков.

Понять существо фонетических представлений создателей «онмуна» можно и из самого способа письма, который был ими установлен. Для каждого различаемого в языке звука существовал свой знак, но писали не отдельными буквами, а слогами: слоги писались теми буквами, которые обозначают звуки, входящие в состав слога; но каждый слог, написанный таким образом, составлял особую графическую группу, отделенную от соседних слогов. Слово *saram* «человек» писалось, следовательно, не $\lambda \vdash \rho \vdash \square$ (*s-a-r-a-m*), а $\lambda \vdash \rho$ (*sa-ram*). Письмо не по горизонтали, а по вертикали делало графическую обособленность каждого слога особенно ясной.

Это свидетельствует о том, что наряду с понятием отдельного звука существовало прочное представление о слоге. Именно слог считался естественной фонетической единицей языка. Такой взгляд на слог можно усмотреть в том, что даже в случае, если слог состоял из одного звука — одного гласного, этот гласный в письме давался как бы членом слога, что достигалось помещением перед ним кружка \circ , долженствующего указывать как бы на «ноль согласного». Таким образом, a в азбуке писалось как \vdash , но a в составе слога — $\circ \vdash$.

Если слог заканчивался согласным, последний писался не рядом с предшествующим гласным, а внизу. Например, слог *ram* в слове *saram* писался не $\rho \vdash \rho$, а ρ для того, чтобы показать, что при сочетании с последующим слогом, начинающимся на гласную, конечный m данного слога соединялся в произношении с последующим гласным, но сам этот m оставался все же принадлежностью своего прежнего слога. Именительный падеж от существительного *saram* образуется добавлением окончания u , так что получается при произношении *sarami*, но написание $\lambda \vdash \rho \vdash \square$ (*sa-ram-u*) продолжало указывать, что деление на слоги в этом слове будет не *sa-ra-mi*, а *sa-ram-u*. Таким образом, самой графикой поддерживалось представление об основе и окончании.

Возникновение алфавита «онмун» было явлением не случайным: оно основано на длительном и тщательном изучении языков и письменности окружающих Корею народов. Средоточием этого изучения был правительственный «Переводческий приказ», учрежденный в 1411 г. В этом приказе изучались языки: китайский, японский, чжурчженский, киданьский, монгольский, рюкюский. Соответственным образом изучались и письменность этих народов. Среди членов упомянутого выше комитета по установлению алфавита были большие знатоки этих языков; несомненно, им известен был и санскрит.

⁵ В новейшее время знак \cdot исключен из алфавита в связи с исчезновением звука, ранее им обозначавшегося.

Однако более всего лингвистическая мысль в Корее этого времени зависела от китайской. Об этом явственно свидетельствует «Хунмин-чжонгым»: все объяснения, которые даются в этом «Наставлении» по поводу приведенного в нем алфавита, основаны на учении о звуках языка, разработанном китайскими фонетистами. Составители «онмуна» поддерживали даже прямую связь с китайскими языковедами того времени: так, в предисловии к «Хунмин-чжонгым» специально указывается, что Син Сук Чу — один из членов упомянутого комитета — тринадцать раз выезжал в Ляодун для консультации с проживавшим там в ссылке выдающимся китайским языковедом той эпохи Хуан Цзанем.

О том, что корейские языковеды того времени тщательно изучали фонетику китайского языка и китайскую фонетическую науку, свидетельствует факт появления многих работ корейских авторов по фонетике китайского языка. Такова, например, работа Син Сук Чу и Чой Хана «Гонгук чонгун» — трактат по китайской фонетике (1447 г.), а также работа Син Сук Чу («Сасён Тхонго») — специальное исследование так называемых «тонов» китайского языка (1449 г.). Таким образом, факт принадлежности корейского языкознания в XV в. к той системе представлений о языке, которая выработалась в Китае, не подлежит сомнению. И все же «онмун» свидетельствует и об известной самостоятельности корейских лингвистов, так как их фонетические представления, несомненно, создались на базе изучения ряда языков и почерпнутых из этого изучения их собственных наблюдений.

Фонетика оставалась и в дальнейшем главной областью корейского языкознания. Все же с XVI в. начинает развиваться и лексикология. Лексикология зародилась в связи с изучением китайского языка. Создавая пособия для его изучения, корейские языковеды должны были объяснять китайские слова корейскими, а такие объяснения вели к сопоставлению объема и характера значений сопоставляемых китайских и корейских слов. Поэтому корейская лексикология, так же как и фонетика, зарождалась на почве сопоставления двух языков и сводилась прежде всего к семантике. Очень важным памятником в этой области является «Хунмон чахэ» (1527 г.) — исследование китайской лексики, работа одного из выдающихся корейских языковедов средних веков — Чой Се Чжиня. В этой работе при объяснении китайских слов приведены и объяснены 3360 корейских слов того времени, что делает этот памятник исключительно ценным для историков корейского языка.

Вслед за вниманием к значению слов начинает проявляться интерес к происхождению этих значений; иначе говоря, вслед за семасиологией начинает развиваться этимология. Эта струя становится особенно заметной в XVIII в., причем также в работах, посвященных китайскому языку, т. е. опять-таки на почве сопоставления двух языков. Такова, например, работа «Аон гагби», автор которой Чои Да Сан помимо раскрытия этимологии обращает внимание и на изменения значений некоторых китайских слов, проникших в корейский язык. Большое значение имеет работа «Хваун пангюн чахэ», автор которой Хван Юн Сек для раскрытия этимологии корейских слов привлекает материал из ряда языков — китайского, монгольского, санскрита и др. В частности, в этой же работе содержится и исследование происхождения «онмуна» — как с точки зрения графики, так и со стороны тех фонетических представлений, которые легли в основу этого алфавита, причем автор находит, что источником «онмуна» был древнеиндийский алфавит — «девангаги». Этот факт свидетельствует о том, что выдвинутой некоторыми представителями европейского востоковедения (Г. А. Джайлз, Г. фон Габеленц, М. Курал, Д. Скотт, В. Дж. Астон) гипотеза об индийском происхождении корейского национального письма для языковедов Кореи далеко не нова и не оригинальна⁶.

Таково содержание корейского языкознания на втором большом этапе его истории — на том этапе, который наступил в середине XV в. вслед за окончательным установлением корейской письменности. Как было указано выше, характерным признаком этого этапа является выход корейского языкознания за пределы явлений, связанных с письменностью. Наряду с продолжавшей развиваться фонетикой зародилась и получила первоначальное развитие лексикология — в основном семасиология и этимология.

⁶ К «девангаги» возводили корейское письмо и другие старые корейские языковеды. Из европейских исследователей некоторые (Л. де Рони, Г. В. Галберт) выводят «онмун» из тибетского письма, другие (например, А. Ремюза) — из киданьского и чжурчженского; существует даже мнение о происхождении «онмуна» из сирийского письма (Дж. Эдкинс). Сами создатели «Хунмин-чжонгым» (ср. предисловие к «Хунмин-чжонгым», написанное Чои Ри Чжи) считали, что в основу графики знаков, обозначающих согласные, легло положение органов речи при произнесении соответствующих звуков, в то время как графика знаков, обозначающих гласные, установлена в соответствии с некоторыми положениями натурфилософии конфуцианства Сунской школы. Иначе говоря, они утверждали полную независимость изобретенного ими письма от каких-либо других видов письма.

3

Третий этап истории языкознания в Корее начинается в конце XIX в. Наступление нового этапа, влекущее за собой резкое изменение содержания языковедения и общего направления лингвистической мысли, связано при этом с крутым поворотом в самой истории корейского народа.

В конце XIX в. в Корее начинают развиваться капиталистические отношения. О наступившем кризисе феодального строя явно свидетельствует так называемое «восстание тонхаков» — крестьянская война, вспыхнувшая в 1894 г. и нанесящая серьезный удар по феодальной системе.

Необходимо отметить, однако, что это антифеодальное движение народных масс очень скоро соединилось с борьбой против подчинения страны иностранному капиталу, прежде всего — в лице Японии. Как известно, именно с конца XIX в. началось настоячивое проникновение японского империализма в Корею, приведшее в 1910 г. даже к прямой аннексии. Это вторжение японского империализма принесло корейскому народу режим жесточайшего национального угнетения.

Несмотря на то, что крестьянская война 1894 г. окончилась поражением восставших, все же она оказала огромное воздействие на формирование их классового и национального самосознания.

С развитием капиталистических отношений развернулся процесс складывания корейской нации, а вместе с этим и процесс превращения языка корейской народности в язык национальный. Одним из проявлений этого процесса была начавшаяся борьба за полноправие корейского языка, за утверждение его во всех сферах государственной и общественной жизни.

Выше было указано, что уже с давних пор языком правительственного аппарата, языком государственного управления был китайский язык. Такое положение продержалось до самого конца XIX в. Только в 1895 г. было разрешено применять корейский язык и в официальной документации. Правда, это был письменно-литературный язык, значительно отстоявший от живого языка народа, но все же это был родной, а не чужой язык. Введение корейского языка в обиход правительственной канцелярии было одним из последствий того мощного национального подъема, который проявился в крестьянской войне 1894 г.

Развитие языка корейской народности в язык корейской нации отразилось и на корейском языкознании. Сразу же встали проблемы нормализации различных сторон языка. Первым проявлением этой новой линии в развитии лингвистической мысли была появившаяся в 1897 г. работа Ли Бон Уна «Кунмун чжонри» — «Основы корейского языка». В предисловии к этой работе автор указывал, что изучение корейского языка, в особенности же его грамматики, является важной задачей корейского народа. Наряду с этим Ли Бон Ун подчеркивал и необходимость составления словаря корейского языка. В своей работе Ли Бон Ун дал только описание фонетической системы корейского языка, учитывая при этом и вопросы акцентуации; в области изучения грамматического строя он не дал ничего существенного. Все же его призыв к изучению грамматики сыграл в дальнейшем большую роль.

В первое время процесс нормализации больше всего коснулся орфографии. Можно сказать, что вопросы орфографии на этом этапе — на этапе утверждения национального языка — больше всего занимали внимание и корейских языковедов, и передовой корейской общественности. Это вполне понятно: надо было ответить на вопрос, поставленный перед всеми самой жизнью: как следует правильно писать?

Первый проект орфографии был выработан не языковедом, а медиком по специальности — Ти Сек Ёном (факт — характерный сам по себе: он показывает, какое широкое общественное значение имели тогда эти вопросы). Указанный проект, изложенный в работе «Новое исправление родного языка» («Син чжон кунму»), был представлен правительству и привлек широкое внимание передовой общественности Кореи того времени.

В 1907 г. по инициативе министра просвещения Ли Дэ Гона было учреждено Корейское языковедческое общество (Кунмун ёнгухё), объединившее в своем составе всех занимавшихся изучением родного языка. Это общество также в первую очередь занялось вопросами орфографии и разработало свой проект орфографических правил, который и был представлен правительству для утверждения и введения в действие. Однако смена министра просвещения помешала проведению этого проекта в жизнь. Сохранились документы первого и второго заседаний этого общества, позволяющие судить о значительности задуманных мероприятий. На втором заседании в докладе выступил Чу Си Гён — один из выдающихся в то время знатоков родного языка. В его докладе содержится интересное высказывание о характере корейской письменности, об иноязычных элементах в корейском языке как об отражении исторических связей корейского народа с другими народами, о формировании общекорейского языка на базе центральных диалектов. Особого внимания заслуживает трактовка Чу Си Гёном вопросов грамматического строя корейского языка.

Именно с этого времени наряду с вопросами орфографии в центре внимания корей-

ских языковедов встали и вопросы грамматики. Следствием такого внимания было появление в 1908 г. грамматики, автором которой был Цой Кван Ок. Она состояла из двух частей: в первой излагалась фонетика и морфология, во второй — синтаксис. Это была первая корейская грамматика, составленная на основе тех грамматических представлений, которые были выработаны грамматической наукой на Западе.

В следующем же году появилась новая грамматика, написанная Ю Гиль Чжуном. Она представляет собой более значительный труд сравнительно с грамматикой Цой Кван Ока и состоит из трех частей: в первой части, которую автор называет «Введением», говорится о значении грамматики, излагается фонетика корейского языка и объясняется система письменности; во второй части, названной «Язык», делается обзор частей речи; третья часть посвящена синтаксису. Грамматика Ю Гиль Чжуна является дальнейшим шагом по пути изложения и объяснения грамматических явлений корейского языка на основе грамматических учений Запада. Достаточно взглянуть на список частей речи, которые он находит в корейском языке, чтобы убедиться в этом. Он находит в своем языке следующие части речи: существительное, местоимение, глагол, вспомогательный глагол, прилагательное, союз, наречие, междометие.

Наибольшее теоретическое значение для этого периода корейского языкознания имеют, однако, работы упомянутого выше Чу Си Гёна (1876—1914). Ему принадлежит ряд крупных работ: «Фонетика родного языка» (1908), «Грамматика родного языка» (1910), «Звуки речи» (1914). Из них наибольшее значение имеет «Грамматика родного языка». Она состоит из трех частей: фонетики, морфологии и синтаксиса. Автор анализирует фонетическую природу звуков корейского языка, устанавливает различие между монофтонгами и дифтонгами, говорит о геминантах. Ему принадлежит, в частности, заслуга в закреплении способа обозначения удвоенных согласных в начале слога двойным их написанием. Интересны и важны его экскурсы в историю корейской фонетической системы. Особенностью концепции Чу Си Гёна является то, что он находит в корейском языке не одну категорию прилагательного, а две: прилагательное, выступающее в функции сказуемого, и прилагательное, выступающее в функции определения. В самостоятельную категорию, включаемую в список частей речи, он возводит грамматические показатели имени (например, надежные суффиксы); такой же отдельной частью речи являются у него и грамматические показатели глагола.

Эта система частей речи в дальнейшем пересматривается автором. В работе «Звуки речи» он уже не помещает существительное и показатели грамматических форм существительного в один ряд; он делит части речи на «основные» и «второстепенные», относит показатели грамматических форм как имени, так и глагола к второстепенным; к второстепенным частям речи он относит и союзы.

Несмотря на ряд очевидных для нас недостатков, работы Чу Си Гёна имели большое значение в развитии грамматической науки в Корее; они сильно продвинули вперед изучение грамматического строя корейского языка. Поучительны даже сами его ошибки: так, например, за выделением им показателей грамматических форм имени и глагола в самостоятельную категорию скрывается мысль о невозможности полного отождествления типа грамматического формообразования в корейском языке с типом формообразования в индоевропейских языках. Этим самым он отошел от пути некритического перенесения на корейский язык всех категорий индоевропейских языков, как они излагались в школьных грамматиках этих языков в то время.

В последние годы жизни Чу Си Гёна работа языковедов над изучением родного языка сильно затруднилась. В 1910 г. Япония аннексировала Корею. С этого времени Корея официально была включена в состав Японской империи в качестве ее колонии. Японские колонизаторы с неслыханной жестокостью начинают проводить политику насильственной японизации корейцев. С этих пор корейский язык подвергается всяческому гонению. Рассматривая школу как проводник своей ассимиляторской политики, японцы ввели в школах преподавание на японском языке, а с 1935 г. полностью запретили преподавание корейского языка как особого предмета в средних школах. Японский язык был объявлен государственным языком в Корее.

В течение 36 лет на пути развития и изучения корейского языка ставились почти непреодолимые препятствия. Однако японская политика насильственной ассимиляции потерпела крах: корейский язык, бережно хранимый всем народом, продолжал развиваться, а борьба за права родного языка слилась с национально-освободительным движением. Передовые, патристически настроенные ученые Кореи в тяжелых условиях продолжали дело, начатое Чу Си Гёном, заботясь о развитии и совершенствовании родного языка.

После смерти Чу Си Гёна не прекращалось тщательное изучение корейского языка его продолжателями и учениками во главе с Ким Ду Боном, Ли Гын Ро, Ли Юн Чже и другими. Особенно большая работа в области грамматики и фонетики корейского языка была проделана Ким Ду Боном.

Ким Ду Бон начал свою научную деятельность в самую тяжелую пору для корейского языка, в первые годы превращения Кореи в колонию японского империализма.

В 1916 г. он выступил с новой разработкой грамматики корейского языка. В своем труде «Грамматика корейского языка» («Чосон мальбон») он дал описание фонетики корейского языка и его грамматического строя: морфологии с классификацией всех частей речи и синтаксиса с классификацией членов предложения, описанием словосочетаний и типов простого и сложного предложений. В 1923 г., находясь в эмиграции, Ким Ду Бон издал в Шанхае свою более полную и совершенную грамматику корейского языка, заложив основы научной разработки грамматики корейского национального языка.

Следует также отметить работы по фонетике Ли Гын Ро, проделавшего экспериментальное исследование корейской фонетической системы, анализировавшего не только фонемы современного корейского языка, но и изучавшего также историческую фонетику его. Кроме того, Ли Гын Ро занимался также лексикографией и вопросами корейской орфографии. Над составлением корейского словаря он начал работать с 1929 г.

Ценными для изучения корейского языка являются также работы Хон Ги Муна по истории корейского языкознания, грамматике и орфографии, в особенности его статья о грамматике, помещенная в журнале «Современная критика» («Хёндэ пхёнъно») в 1926 г., и статьи «Исследование форм числительных», «Об орфографии» и «О фонеме ь», помещенные в газете «Чосон».

Чон Мон Су, павший смертью храбрых во время войны против американских захватчиков, начал свою научно-исследовательскую деятельность еще в условиях колониальной Кореи. Представляют большой интерес его исследования лексики и истории корейского языка, а также этимологические исследования. Его статья «Исследование древней корейской лексики», напечатанная в журнале «Корейская письменность» («Хангыль») в 1937 г., как и другие его работы, играет большую роль при изучении истории корейского языка.

Помимо указанных работ, в журналах и газетах печатались статьи и других языковедов по грамматике, фонетике, истории языка и диалектологии. Все эти статьи относятся ко времени после 1926 г., когда было отмечено 480-летие корейской письменности.

О том, как корейская общественность боролась за изучение родного языка, говорит создание в 1921 г. в Сеуле Общества изучения корейского языка (Чосон'о ёнгухё), переименованного в 1931 г. в Научное общество корейского языка (Чосон'о хакхё), объединившее многих крупных корейских языковедов. Большое внимание в работе этого общества уделялось вопросам разработки норм корейского литературного языка, унификации корейской орфографии и словарной работе. Органом общества был журнал «Корейская письменность» («Хангыль»). Общество выработало проект унификации корейской орфографии, опирающийся на морфологический принцип; проект, правда, не лишен недостатков, особенно в рассмотрении понятия фонемы и чередования звуков речи в различных формах одного и того же слова. В 1943 г. японские власти арестовали многих членов этого общества и приговорили их к тюремному заключению.

С 1931 по 1934 г. издательство газет «Чосон Ильбо» и «Тон-а Ильбо» развернуло движение за обучение корейцев их родному языку, запрещенному в школе японцами, мобилизуя для своих целей студентов и школьников, уезжающих домой на летние каникулы. Движение это, несомненно, сыграло положительную роль в деле укрепления корейского литературного языка. Таким образом, несмотря на жесточайшую ассимиляторскую политику японского империализма, корейцы продолжали изучать свой родной язык.

Освобождение Кореи от ига японского империализма доблестной Советской Армией в августе 1945 г. открыло корейскому народу широкую возможность пользоваться своим родным языком во всех сферах общественной жизни, изучать его и способствовать его развитию и совершенствованию. На корейских ученых легла ответственная работа в области изучения языка, которая могла быть осуществлена лишь целым коллективом. В связи с этим в 1947 г. было создано Общество изучения корейского языка и письменности. С октября 1948 г. в связи с провозглашением Кореи народно-демократической республикой и образованием единого демократического правительства общество перешло в ведение Министерства просвещения.

Народно-демократическое правительство поставило перед языковедческим обществом, в состав которого входили крупнейшие корейские языковеды во главе с Ким Ду Бонем и Ли Гын Ро, целый ряд больших и неотложных задач, таких, как создание нормативной грамматики корейского языка, толкового корейского словаря на 100 тыс. слов, установление новой орфографии (в связи с переходом на письменность без иероглифики с июня 1949 г.). Корейские языковеды с большим энтузиазмом приступили к выполнению всех поставленных перед ними задач и добились в этом отношении значительных успехов. Так, в сентябре 1949 г. была написана Ким Су Гёнем нормативная грамматика корейского языка. Большое значение при этом имела работа по описанию фонетики и грамматики корейского языка, проделанная старшим поколением корейских языковедов — Чу Си Гёнем и Ким Ду Бонем.

Кровопрлитная война, развязанная в Корее американскими агрессорами, затруднила работу корейских языковедов, но не смогла прекратить ее. Особенное значение для развития современного корейского языкознания имели результаты лингвистической дискуссии 1950 года в СССР и выход в свет работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Большую роль в распространении в Корее передовых идей марксистского языкознания сыграли и труды проф. Ким Су Гёна, заведующего кафедрой корейского языка Университета им. Ким Ир Сена. С 1952 г. лингвистические исследования в КНДР возглавляет созданный в системе Академии наук КНДР Институт языкознания (в связи с чем отпала необходимость в существовании особого Общества по изучению корейского языка и письменности). Главной задачей этого института является изучение проблем истории развития корейского языка, исторической грамматики и исторической фонетики, корейской лексикологии, а также проблем современного корейского языка.

Цой Ден Ху